

ГОСУДАРСТВО ВО ВРЕМЕНАХ И ПРОСТРАНСТВАХ: МНОГООБРАЗИЕ И ИЗМЕНЧИВОСТЬ

В.В. Лапкин

ЛАПКИН Владимир Валентинович, ведущий научный сотрудник, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: vvh@politstudies.ru

Лапкин В.В. Государство во временах и пространствах: многообразие и изменчивость. — Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 148–162. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.11>

Статья поступила в редакцию: 12.09.2020. Принята к публикации: 10.10.2020

Аннотация. Дестабилизация мировой политики последнего десятилетия актуализирует задачу более глубокого и комплексного понимания природы современного государства и возможности его адаптации к переменам, происходящим как в сфере межгосударственных отношений, так и в вопросах внутренней политики — взаимоотношения государственного аппарата с национальным политическим сообществом, т.е. за пределами и в пределах легитимного территориального контроля государства. Очевидным и во многих отношениях незаменимым подспорьем в решении этой задачи представляется переведенная в прошлом году на русский язык фундаментальная монография Боба Джессопа “Государство: прошлое, настоящее и будущее” (B. Jessop. *The State: Past, Present, Future*. Cambridge: Polity. 2016). В силу своей многоплановости в настоящей статье монография Джессопа неизбежно получит лишь частичное отражение, притом под, очевидно, субъективным углом зрения и в формате свободного размышления. Целью статьи является привлечение внимания читателей к этому ценнейшему ресурсу концептуализации и полиморфического анализа государства как по-прежнему ключевого понятия политической науки. Свой оригинальный (стратегически-реляционный, как Джессоп его называет) подход к этому феномену нашего политического воображения он сочетает с критическим анализом иных, широко распространенных подходов (марксизма, либерализма, консерватизма, реализма и неореализма). Фактически он предлагает метод фундаментального синтеза этих подходов, выводящий на новое качество политического анализа. Историзм, компаративизм, общемировой контекст и эволюционирующая природа государственности — вот основа этого альтернативного подхода к системному изучению государства и государственной власти. Почти конвенциональное в современной политической науке представление о современном государстве как таковом, — включающем его фундаментальные институционально разделенные составляющие, а также интегрирующие его принципы, — описывает, согласно Джессопу, лишь частный случай государства капиталистического типа. Наряду с таким, по сути “идеализированным”, государством существуют и эффективно обеспечивают интересы своих политических сообществ государства иного рода, которым присущи далеко не все нормативные, согласно канонам политической науки, характеристики институционального строя и принципы организации единого социального, экономического и политического бытия.

Ключевые слова: государство, мировая политика, мировой рынок, стратегически-реляционный подход, политический анализ, полиморфический анализ, политическое воображение, государственное управление, общественное отношение, власть, интересы, господство.

ОБ ОЧЕВИДНОМ И НЕТРИВИАЛЬНОМ (В КАЧЕСТВЕ ВВЕДЕНИЯ)

Глобальный мир вступил в период критической неустойчивости и почти беспрецедентных по интенсивности перемен. Но перемены эти пока слабо, на первый взгляд, затрагивают “материю” мира политики: формальный набор конституирующих его институтов, его территориально-государственное размежевание, наработанные практики взаимодействия его основных субъектов. Перемены сфокусированы по большей части на идеальной сфере политического мировосприятия: решительно преобразуются наши нормативные представления о современной политике, паттерны политической культуры и принципы международных отношений, представления о допустимом и должном.

Вместе с тем, в “штормящем море” политики, где отголоски “бури” ощущаются сегодня повсеместно, есть по меньшей мере один устойчивый и эффективно сопротивляющийся переменам “островок”. Таким “островком” предстает государство в его многочисленных и разнообразных изводах, условно объединяемых ключевыми, определяющими признаками “современности” и “территориальности”. Границы современных территориальных государств, задающие им своего рода структурно-функциональную рамку, по-прежнему конституируют геополитическое пространство мировой суши (за исключением Антарктиды), расчленяя его на соответствующие клетки-“контейнеры” (см., например, [Колосов 2018: 28]), прочно сцепленные друг с другом когезией¹ межгосударственных связывающих обязательств и взаимоотношений в важнейших сферах общественной жизни (политики, экономики, культуры, науки, технологии, образования, здравоохранения и пр.).

Формирование такого государства как почти безальтернативной “политической оболочки” современных макросообществ, претендующих на политическую субъектность, решает тем самым важнейшую, экзистенциальную задачу, встающую перед каждым из них, — задачу эффективного накопления экономических и политических ресурсов, капитала и власти, соответственно. Вместе с тем, территориальная “рамка” современного государства по-прежнему остается ключевым структурным элементом, поддерживающим действенность его адаптивных возможностей, способность к мобилизации латентных ресурсов внутренней политической консолидации образующего государство сообщества, эффективность его контроля над сферой конфликтного, но вместе с тем фундаментально симбиотического сосуществования общества и государства (см., например, [Соловьев 2018; 2019]).

Эта в определенном отношении “неожиданная” жизнеспособность национально-территориального государства, ярко проявившаяся (в частности, в условиях пандемии 2020 г.) в эпоху уже почти консенсусного признания его глубокого кризиса, побуждает к глубокой ревизии наших представлений о природе государства как целого, а также об отдельных важнейших аспектах этого политического феномена. В ряду этих аспектов — его генезис, его проектирование (средствами политического воображения), его институциональность, воплощение им собою особого вида общественных отношений, его пространственность и темпоральность, его связь с нацией как иденти-

¹ Когезия (лат. *cohaesus* — “связанный”, “сцепленный”); сцепление, слипание однородных частиц в единое тело (в данном случае — в международную систему); характеризует прочность тела и его способность противостоять разлагающему воздействию.

фицирующим себя с государством воображаемым сообществом, с мировым рынком как порождением процессов интеграции национальных рынков и их “поглотителем”, наконец, с “мировым сообществом”, как своего рода “псевдосубъектом” политического миропорядка.

Представляется, что исследователям, заинтересованным в продвижении по этим направлениям, готовым к ревизионистскому отношению к государству как базовому концепту политической науки, незаменным подспорьем станет (а многим, полагаем, уже стала) книга Боба Джессопа “*The State: Past, Present, Future*” [Jessor 2016], переведенная на русский язык в 2019 г. (Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее [Джессоп 2019]). Сразу заметим, книга эта издана, казалось бы, совсем недавно, но политическая повестка за прошедшие с тех пор четыре года разительно изменилась. Достаточно напомнить, что она вышла в свет еще до начала атаки Д. Трампа, уже как президента США, на глобалистский проект. То есть до того, как США в его лице заявили, фактически, о примате партикулярных интересов своего “национального капитала” над интересами космополитического капитала глобалистских элит (встретив, разумеется, со стороны последних жесточайшую реакцию неприятия такой политики). И до беспрецедентного внутривнутриполитического потрясения демократического режима в ходе президентской избирательной кампании 2020 г. в США. Произошедшие в последние годы перемены — как в отдельных государствах, так и в целом в сфере межгосударственных отношений — актуализируют представленный в книге Б. Джессопа теоретический анализ государства. Но одновременно выявляют его очевидную неокончателность, потребность в дальнейшем продвижении и осмыслении всех многочисленных новаций государственно-политической практики последних лет, и вместе с тем — высокую методологическую оснащенность, открытость к восприятию нового.

Монография Джессопа подразделяется на Введение (глава 1) и три части: “Государство как понятие, отношение и реальность” (главы 2-4), “О территории, аппарате и населении” (главы 5-7), “Прошлое и настоящее (варианты будущего) государства” (главы 8-10).

Вот квинтэссенция того, как содержание этих глав анонсирует сам автор. “...В главе 2 исследуется понятие государства и отдается предпочтение внешне привычному ‘трехчастному’ подходу к определению государства, в основе которого лежит взаимосвязь между территорией, аппаратом и населением государства. Этот подход модифицируется путем добавления четвертого элемента, а именно ‘идеи государства’, или государственного проекта, который определяет природу и цели государственных действий” [там же: 44-45]. “...В главе 3 развивается тезис о том, что государство представляет собой не субъект или вещь, а общественное отношение (*social relation*). Это эллиптическое выражение смещает внимание с элементов государства к государственной власти” как “институционально и дискурсивно опосредованной конденсации... меняющегося баланса сил, стремящихся влиять на формы, цели и содержание политической системы, политического процесса и мер государственной политики” [там же: 45]. В главе 4 проводится соотнесение власти, интересов и господства с “отношением между властью класса и государственной властью... В ней... предлагается... плодотворное разграничение между капиталистическим типом государства и государством в капиталистических обществах”

[там же], вновь подчеркивающее полиморфическую и поликонтекстуальную природу государства. “В главе 5 рассматривается социопространственная организация государства, выходящая за пределы узко понимаемого вопроса территориальности”. В связи с этим “...в ней рассматривается генеалогия государства в категориях автономного формирования самых первых государств, то есть тех географически широко рассредоточенных случаев, когда некоторое ‘государство’ впервые возникает путем территориализации политической власти...”, а также рассматривается “государственность в категориях места, масштаба, сети и социопространственности в более общем плане” [там же: 46]. Глава 6 фокусируется на проблемах населения государства; в ней проводятся различия “между национальным государством и государством-нацией”, выделяются “виды бытия наций в качестве воображаемого сообщества”, изучается “значимость гражданского общества для государства и государственной власти” [там же]. “Глава 7... рассматривает характерные особенности различных способов управления, их провалы и роль государства в решении проблем, связанных с провалами управления, как по собственной инициативе, так и в качестве адресата последней инстанции, которого призывают к действию другие социальные силы”² [там же: 46-47]. “В главе 8 изучается меняющееся отношение между мировым рынком и миром государств и рассматривается вопрос, подрывает ли глобализация территориальный и темпоральный суверенитет государств” [там же: 47]. “В главе 9 исследуется избирательное сродство между капитализмом и либеральной демократией, рассматривается подъем авторитарного этатизма и ставится вопрос, не становится ли государство с исключительными/чрезвычайными полномочиями ‘новой нормой’” [там же]. “Глава 10 завершает книгу некоторыми замечаниями относительно недостающих звеньев и открытых вопросов...” [там же].

В формате статьи возможно представить лишь частичное отражение содержательного богатства монографии — в силу ее почти энциклопедической многоплановости, — притом отражение заведомо субъективное и сопряженное со свободными размышлениями автора статьи и, безусловно, далеко не исчерпывающее все предметно-тематическое поле и концептуальное пространство монографии... В дальнейшем эти размышления будут развиваться — в целях структурирования изложения — преимущественно в четырех широко представленных в ней направлениях.

Первый комплекс проблем связан с а) генезисом государства, б) его институциональным обустройством и ресурсным обеспечением в условиях жесточайшей внутренней и внешней конкуренции со стороны альтернативных проектов (и соответствующих субъектов) государственного и иных вариантов политического обустройства интегрированных сообществ³, в) обсуждением его эволюционных перспектив.

² Этот тезис Джессопа о государстве как “адресате последней инстанции, которого призывают к действию другие социальные силы” означает признание глубокого эволюционного потенциала государства. Именно это дает шанс сообществу, даже в условиях глубочайшей политической катастрофы и грандиозного “провала управления”, прибегнув к смене режима и даже политической системы, выстроить принципиально иную политическую систему и перейти к возрождению государства на этой новой основе. Политическая история XX в. дает многочисленные примеры таких трансформаций.

³ В данном контексте уместна, впрочем, и очень точная и значимая ремарка Джессопа: “Контроль и подавление *инакомыслия* (*dissent*) так же важны, как и формирование *согласия* (*consent*)” [Джессоп 2019: 34]

Второй комплекс проблем обусловлен ключевым функциональным предназначением современного государства — организацией накопления власти и капитала в условиях прогрессирующих трендов универсализации и тотальности мирового рынка и политической глобализации, а также затрагивает сопряженные с реализацией этой функции вопросы пространственно-территориальной экспансии этой государственной модели и — одновременно — экстратерриториальной экспансии глобальных экономических сетей.

Третий комплекс проблем сфокусирован на нациестроительстве как базовом каркасе современного государства и системной смычке власти и общества в условиях капитализма. А также — на анализе новых трендов, фиксирующих латентное вызревание альтернативных форм политической организации сообществ современного мира.

Наконец, четвертый проблемный комплекс ориентирован на оценку перспектив государства как оптимальной, универсальной формы политической организации разнородных сообществ, претендующих на субъектность и автономию в вопросах полагания и достижения целей собственного развития. Эта оценка в конечном счете будет дана лишь по итогам своего рода стресс-теста государственной формы на способность сохранять суверенитет при разработке и продвижении стратегий развития государствообразующего сообщества в условиях экспансии сетей (*networks*) глобального управления.

Эти четыре направления, структурирующие наши размышления, вполне закономерно перекликаются с содержательной структурой монографии, но допускают и определенное смещение акцентов, обусловленное нашей субъективной позицией, выбором приоритетных, с нашей точки зрения, направлений политического анализа и целей политического развития в период критической неустойчивости, в который мы вступаем... уже вошли.

ГОСУДАРСТВО КАК АНСАМБЛЬ ИНСТИТУТОВ (АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ, СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРСПЕКТИВ)

Пожалуй, базовым для Джессопа в его понимании и трактовке государства является представление о нем как о “сложном ансамбле... институтов, организаций и взаимодействий, участвующих в осуществлении политического лидерства и реализации решений... которые... являются коллективно обязывающими для его политических субъектов” [там же: 53]. Такое понимание государства как институционального и организационно-взаимодействующего ансамбля (комплекса) с обязывающим членством, призванного обеспечивать постановку целей и мобилизацию доступных и необходимых для их достижения ресурсов, позволяет расширить пространственные (до глобальных пределов) и временные (далеко вглубь веков и в неопределенность будущего) горизонты функционирования таких ансамблей (или сборок). Иными словами, функционирующая государственность простирается во времени и пространстве повсюду, где диагностируются организованные и институционально оформленные политические взаимодействия.

Настаивая на столь расширительном понимании государства, Джессоп вступает в открытую полемику с идеями Габриэля Алмонда, Дэвида Истона и Толкотта Парсонса [Almond 1960; Easton 1965; Parsons 1969], подвергая критике претензии структурно-функционального подхода на универсаль-

ность и продвигая свой оригинальный стратегически-реляционный подход. В рамках последнего государство понимается как “полиморфный ансамбль институтов” [Джессоп 2019: 38], что, разумеется, предполагает функциональную дифференциацию этих институтов, но привносит в рассмотрение политического сквозь призму государства и еще один важный компонент. Джессоп акцентирует внимание на “эмерджентной логике и динамике различных институциональных порядков или функциональных подсистем и на связанных с ней асимметричных возможностях, которыми она наделяет различных акторов в конкретных полях взаимодействия, включая многоуровневые, многосторонние и многопространственные арены” [там же: 42]. Иными словами, в логике “агентоцентричного” институционализма [там же] акцентируется эволюционный потенциал (потенциал изменчивости, инновационности) этого “ансамбля институтов, организаций и взаимодействия”.

Джессоп особо выделяет три составляющие политического, выдвигая исследователям политики требование “...по меньшей мере некоторого внимания к политической системе, политическому процессу и государственной политике” [там же: 54]. Развивая этот тезис, он дает собственную аранжировку классической триады семантически близких базовых понятий политической науки, центрирующих три соответствующих понятийных поля.

Во-первых, это *политическая система* или “*полития*” (*polity*), т.е. та “институциональная матрица, которая устанавливает особую территорию, область, сферу, поле или регион специфически политических действий”, иными словами, “государственность в инклюзивном смысле данного понятия” [там же]. Во-вторых, это *политический процесс* (*politics*), понятие, относящееся “к формам, целям и объектам политических практик” и включающее “борьбу за ту или иную форму устройства государства и более широкой политической сферы, а также столкновения, происходящие за пределами государства...” [там же]⁴. В-третьих, от политического процесса перекидывается логический мостик к *государственной политике* (*policies*) как “*выработке политического курса*”⁵.

Так же как, вероятно, и читатель, Джессоп с некоторой эмоциональностью оценивает как “концептуальный кошмар” это многообразие понятийных полей, описывающих государственную политику [там же: 55]. В качестве меры определенной санации многообразия наших представлений о ней Джессоп отсылает читателя к классификации “способов рассмотрения государства” Ф. Абрамса [Abrams 1988]. Солидаризируясь с ним по существу⁶, он отвергает “овеществленное

⁴ Джессоп особо оговаривает, что, “хотя политическая система (*polity*) соотносится с чем-то статическим и пространственным, политический процесс (*politics*) по своей природе динамичен, неокончателен и гетерогенен” [Джессоп 2019: 54].

⁵ Именно *policies* есть *искусство возможного* (очень распространенное в отечественном политическом дискурсе, но не всегда ясно понимаемое выражение). Искусство выбора применяемых мер при выработке политического курса государства состоит в использовании *возможного* в ограниченных условиях текущего политического процесса, задающего “общее стратегическое направление государства и разделение в нем политического труда”. Тогда как государственная политика в этих рамках “обозначает конкретные поля государственного вмешательства и воздержания от такового, решений и отсутствия решений и т.д.” [Джессоп 2019: 55].

⁶ Джессоп дает развернутый комментарий позиции Абрамса: “фантазмагорическое представление о *государстве* как единой сущности скрывает неизбежную разобщенность реально существующей *государственной системы* как фрагментарного и хрупкого устройства институционализированной политической власти” [Джессоп 2019: 56]. А это “...мешает многим ... осознать, что они в идеологическом плену у идеи государства, которая в квазигегелевской терминологии представляет государство

понимание государства как самостоятельной единой сущности, актора, функции или отношения, отделенного от остального общества и действующего как необходимый, скрытый структурирующий механизм политической жизни” [Джессоп 2019: 55–56]. Предпочтение отдается двум другим подходам к его пониманию как: (1) “государственной системы” с “в лучшем случае лишь относительно единым..., ядром институтов, организаций и практик, более или менее обширных”; и (2) “идеологической силе (*idée-force*)”, или “идее государства... укорененной в коллективном ложном представлении, маскирующей политическое и экономическое доминирование в капиталистических обществах такими способами, которые легитимизируют подчинение ему” [там же: 56].

Ключевой момент, выявляемый авторским подходом Джессопа к анализу природы и эволюционного потенциала этого “особого типа социальных отношений”, именуемого государством [там же: 53], состоит в прицельной сфокусированности на анализе “действительной роли реальных политических институтов и практик в осуществлении господства” [там же: 52]. Феномен и тайна *социального господства* (того, что в просторечии называют властью)⁷ составляют нерв политического (политико-институционального и политико-процессуального) анализа (исследований *polity* и *politics*). Государство сегодня, во всех его существующих в нынешнем “многополярном” мире изводах, является лишь одной из возможных “масок” *социального господства*, причем этот тип (или эта форма) *господства* стремительно теряет свою эффективность и привлекательность, уступая иным, экстра- и экстерриториальным типам (или формам), основанным на сетевом принципе взаимодействия и обезличенных и виртуальных транзакциях информационно-финансового характера.

Итак, государство, и прежде всего территориальное государство как идеалтипическая организационная форма, утрачивает свою “эксклюзивность”, статус универсального инструмента властного принуждения. Ясное осознание этого факта позволяет Джессопу перейти к анализу происхождения (в историческом⁸ и этимологическом ракурсах) концепта государства (*the*

в качестве бескорыстного слуги общих интересов. Так что задача обществоведов состоит в том, чтобы демистифицировать государство, решительно сорвать с него маску, доказать, что *государства как самостоятельной, единой сущности не существует*” [там же: 56–57]. Это, в свою очередь, “...открывает пространство для критики *идеи государства* и ее фетишистской власти над актерами политической сцены и требует такой критики...”, требует “изучать государство таким, каким оно реально является и функционирует... в его более широких политических и социальных контекстах” [там же: 57].

⁷ “В рамках исследования власти как господства возможности понимаются как *социально структурированные*, а не *социально аморфные* (или произвольные). Рассматриваются систематические, институционализированные, регулярно воспроизводимые реципрокные отношения, а не одностороннее навязывание воли. Власть как господство обеспечивает непрерывность общественных отношений” [Джессоп 2019: 196]. Это — важнейший вывод, выявляющий ведущий эволюционный механизм совершенствования государственной формы политического бытия сообщества, а вместе с тем, — историческое предназначение и оправдание *государства*, функционально предназначенного для обеспечения воспроизводства этого особого вида политических общественных отношений на основании принципов взаимности власти и сообщества.

⁸ Джессоп ясно представляет историческое происхождение концепта государства, сформировавшегося “для описания определенного вида правления в Западной Европе и его последующего распространения” [Джессоп 2019: 58]. “В результате большая часть истории человечества выпадает из поля зрения теории государства и ее исследований и рассматривается только как *предыстория*...” [там же: 59]. А альтернативой европоцентристскому подходу, разделяющему государства “на традиционные и современные... является рассмотрение способов локализации (территориализации) политической власти и изучение альтернативных политических воображений и описаний предшественников современного государства” [там же].

State)⁹, задаваясь, в частности, вопросами: “почему исторически определенная семантика ‘государства’ (*‘state’*) остается неизменной, застывшей вопреки вековому и даже тысячелетнему историческому процессу формирования государства?” [там же: 58], а также применима ли “...(европоцентристская) теория государства к территориально организованным формам политической власти за пределами центров формирования европейских государств?” [там же: 31]. “Такая рефлексия, — резюмирует Джессоп, — может помочь выявить историческую специфику различных форм политической организации, политических режимов и типов государств” [там же]. Общим же для всех этих форм, режимов и типов оказывается то, что “...все эти разнообразные институциональные и организационные формы демонстрируют свои государствовподобные качества через усилия, которые они предпринимают по установлению, применению и консолидации политической власти над населением определенной территории. ...Подобные усилия стали предприниматься задолго до появления идеи современного государства, но в итоге привели к неожиданному триумфу этой государственной формы над другими, исторически возможными в то время” [там же: 59].

Но может быть еще более интересным и многообещающим ракурсом анализа природы современного государства, предлагаемым и последовательно разрабатываемым Джессопом, является включение им в рассмотрение соотношенности социальной и политической природы сообществ с глобальным контекстом капитализма и с императивом накопления для получения ими конкурентных преимуществ и самовоспроизводства. При этом отличительной особенностью его подхода оказывается проблематизация безусловности капиталистической природы современных государств.

ГОСУДАРСТВО И КАПИТАЛ (АСПЕКТЫ ПРОСТРАНСТВ И ТЕРРИТОРИЙ)

Уделяя значительное внимание анализу природы современного государства, Джессоп проблематизирует мейнстримные представления о временной и пространственной беспредельности его взаимосвязи с капитализмом. Он продвигает концепцию пестрого капитализма (*variegated capitalism*) [там же: 15, 17, 361-362], сочетающего в рамках потенциально единого, но неравномерно интегрированного мирового рынка конфликтное сосуществование разнородных типов (или разновидностей) капитализма. Что закономерно выводит на проблему современных методов глобального сетевого управления нации- и государственным строительством, а также характера и природы взаимоотношений государства и общества в рамках ограничений, заданных капиталистическим рынком и капиталистическим накоплением¹⁰.

Фактически Джессоп исходит из того, что почти конвенциональное в современной политической науке представление о современном государстве как

⁹ К сожалению, перечень приводимых Джессопом альтернативных концептов, используемых для описания “государствоподобных объединений” (*“state-like assemblages”*) [Jessop 2016: 19], имеет очевидную лакуну, труднообъяснимую как с исторической точки зрения, так и ввиду резкого усиления практического интереса к этой форме государственности в последнее десятилетие, ее перспективности в логике *realpolitik*.

¹⁰ “...Ориентированное на получение чистой прибыли и опосредованное рынком накопление является доминирующим принципом общественной организации в мировом сообществе” [Джессоп 2019: 32].

таковом¹¹, — является лишь частным случаем “государства капиталистического типа” [там же: 219]. Постольку, поскольку возможно существование и государств иного рода, которым присущи далеко не все приводимые Джессопом характеристики его институционального строя и принципы организации единого социального, экономического и политического бытия...

Тем не менее, в построениях Джессопа очевидна определенная нечеткость сопряженного с понятием “государство капиталистического типа” понятия “капиталистическое общество”, которое, ввиду “страдательности” и “объектности” в отношениях с капиталом точнее было бы понимать как “общество в условиях доминирования капиталистического экономического уклада”. Более того, полагая (вполне справедливо) возможность “сильного институционального разделения экономической и политической систем” в рамках (капиталистического) общества и вводя разграничение “капиталистического типа государства” и “государства в капиталистическом обществе” [там же: 191], подразумевающее, что разница здесь лишь в типе государства, тогда как общество в обоих случаях гарантированно “капиталистическое”, Джессоп упускает возможность расширения этой типологии и на “некапиталистические общества”. Для этих последних также можно рассмотреть дихотомию “капиталистического” и “некапиталистического” типов государства. А вместе с тем и альтернативу “сильному институциональному разделению экономической и политической систем”. Тогда гипотетически становятся возможными все четыре комбинации, т.е. (1) “капиталистические экономические и капиталистические государственно-политические институты”, (2) “некапиталистические экономические и капиталистические государственно-политические институты”, (3) “капиталистические экономические и некапиталистические государственно-политические институты” и, наконец, (4) “некапиталистические экономические и некапиталистические государственно-политические институты”.

В качестве сугубо предварительного предположения, требующего более тщательной верификации, следует обратить внимание на то, что классическое капиталистическое общество в полной мере сложилось, видимо, лишь в пространстве западноевропейского мира и некоторых из бывших британских переселенческих колоний (на основе которых в последующем возникли современные США, Австралия, Новая Зеландия, Канада...). Относительно других обществ, сформировавшихся в иной цивилизационной среде, но в остальном вполне современных, их капиталистическая природа не очевидна. Типология Джессопа явно ориентирована на мир Запада, а возможности распространения его методологического подхода на сферу иных, незападных государств современного мира, им явно недооцениваются. Тогда как теоретический потенциал его подхода представляется существенно более широким¹².

¹¹ В его основе — фундаментальное институциональное разделение сфер экономики, политики и социальных отношений, при их столь же фундаментальном сочленении на принципах легитимного представительства и конституционализма, верховенства права и равенства перед законом, территориального контроля и монополии на принуждение, *raison d'etat* и суверенитета, ограниченного балансом международных сил [Джессоп 2019: 219, 222],

¹² Отметим, что такой “расширенный” взгляд на предлагаемую методологию анализа предполагает фальсификацию понятий “капиталистическое общество”, а также “капиталистические экономические институты” и “капиталистические государственно-политические институты”. Это обращает нас к концептуализации политической истории в парадигмальных рамках “эволюции систем накопления”, в которых

Интеграция мирового рынка радикально меняет пространственно-временные характеристики государства, побуждает его к более активным действиям за пределами собственной территории, в общедоступных пространствах и вне режима территориального контроля. При этом решающим вызовом государственному суверенитету и фактором, приоритетно воздействующим на темп и направление (спектр сопряженных направлений) глобальной политической эволюции, определяющим конкурентную селекцию государств в современном глобальном мире, оказывается социальная динамика.

Другим важнейшим вызовом и фактором политической эволюции предстают процессы “...коэволюции мирового рынка и мира государств...” [там же: 359], сопряженные с “растущим господством логики капитала” и его освобождением “от ограничений национальных вместилищ власти” [там же: 369]. Джессоп отмечает усиливающуюся тенденцию “разгосударствления” (*destatization*), которое “перекраивает границы между государством и негосударственными аппаратами и видами деятельности. Как таковое оно изменяет разделение на публичное и частное и сокращает власть суверенного государства в сферах политического процесса и политики (*politics and policy*)” [там же: 376]. Этот тренд выявляет по сути фундаментальное историческое значение англосаксонской модели современного “суверенного” государства, ставшей удобным и эффективным инструментом территориального контроля и социальной агрегации в интересах капиталистического накопления, а вместе с тем, по мере распространения этой модели в ее формализованном виде на весь мир, — обеспечившей повсеместный и столь важный в логике капитала “сдвиг от правительства к управлению...” [там же].

Тем самым наблюдаемый сегодня кризис прежнего миропорядка можно рассматривать как закономерное следствие эволюционной трансформации государства. Проиллюстрируем это в пространственно-территориальной оптике анализа. Привычные нам “...национальные территориальные государства” рассматривались “...как взаимно исключающие, формально-суверенные, сегментированные в пространстве единицы современной межгосударственной системы” [там же: 375]. Но способность государства вычленять из свободного пространства подконтрольные ему территории не ограничивается лишь земной сушей как сферой социальных интеракций (хотя именно она и была первым таким пространством). Сегодня обнаруживается все больше примеров того, что современное государство эффективно переносит практики *расчленения и территориализации* и на иные множащиеся *пространства* человеческого общения¹³ — с последующим обретением политического контроля над ними. При этом основными объектами такой экспансии выступают пространства приватного, частная жизнь граждан и пространства их виртуального общения¹⁴, интернет. А государство предстает в своей истинной, глубинной сути как форма политической консолидации и организации сообщества на

реализация накопления допустима (в рамках государства) не только в частно-капиталистическом, но и в переходном и дуальном форматах, а также и за его пределами (см. подробнее [Лапкин, Пантин 2019]).

¹³ Для их изучения Джессоп вводит понятие *социопространственности* и определяет *пространство* как состоящее из “социально-конструируемых сетей и горизонтов социального действия, которые подразделяют и организуют материальный, социальный и воображаемый мир (миры), а также ориентируют действия в аспекте таких разделений” [Джессоп 2019: 245].

¹⁴ В частности, Джессоп справедливо констатирует: “...киберпространство быстро колонизируется, отслеживается и контролируется государствами...” [Джессоп 2019: 379].

основе разграничения контроля и территориализации тех пространств, к которым получает доступ.

ГОСУДАРСТВО И НАЦИЯ (АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОСТИ)

“Народостроительство” (*‘people building’*) рассматривается Джессопом “как одна из конституирующих характеристик государственного строительства”. Изначально власти противостоит лишь “население или угрожающая масса, плебс или толпа (*mobile vulgus*), которая требует, чтобы ею управляли...” [там же: 285]. Народ становится источником власти именно после того, как властью создаются институты представительства, дающие ей “право” (или повод) считать себя легитимированной народным доверием (мандатом), получаемым взамен наделения населения правами. Иными словами, масса (толпа), обретающая качества организованности и способности к взаимодействию с властью, становится *народом*, своего рода “корпоративной личностью, которая формируется как *unum e pluribus...*”, *нацией*, “воображаемым сообществом с некоторой исторической преемственностью, основанной на реконструированном прошлом, воображаемом настоящем и развертывающемся будущем” [там же].

Тем не менее в ряду социально детерминированных факторов, влияющих на форму “кристаллизации” государства, Джессопом упущен быть может важнейший: природа сообщества, сохраняющая значимую преемственность с до-капиталистическими общественными укладами. Во всех случаях современное государство формируется как воплощение “воли народа”, но социокультурный субстрат этого процесса политического воображения (проектирования и воплощения) в каждом случае особый, неповторимый.

В части заполнения этой очевидной лакуны паллиативное решение Джессопа — предложить в качестве такого фактора “доминирующий принцип организации общества (если таковой вообще существует) и его роль в (транс)формировании государства...” [там же: 101]. В ряду “претендующих на это место принципов” им упоминаются “маркетизация, внутренняя и внешняя безопасность, контроль над окружающей средой, инклюзивное гражданство, верховенство права, национализм, этничность и теократия” [там же], т.е. ключевые элементы системы ценностей и идентификационные паттерны, характерные для западноевропейской цивилизации, в ее модернистской, а отчасти уже и постмодернистской версии. Альтернативные ценностные и идентитарные источники государственного строительства за пределами западноевропейского культурного ареала им по существу не рассматриваются. А разного рода “незавершенные кристаллизации государственной власти” интерпретируются как эффекты, обусловленные “остаточными, маргинальными, иррелевантными, неподатливыми и противоречивыми элементами” структур данного общества [там же: 103-104].

Одним из шести важнейших измерений государства Джессоп полагает (наряду с формами представительства, сочленения, вмешательства, государственным проектом и гегемонистскими представлениями) его *социальную базу*, в основе которой лежит “институционализированный социальный компромисс” [там же: 130, 153-156]. Разрушение этого компромисса чревато общественными беспорядками, эксцессами гражданского противостояния и революциями. В частности, волнения в США лета-осени 2020 г. связаны

во многом с распадом прежнего “институционализированного социального компромисса”, остро проявляемым обществом недовольством государственной внутренней политикой, обусловленным как мерами и издержками борьбы с COVID-2019, так и многими более “частными”, но общественно значимыми проблемами. Недовольство — строго по Джессопу — нарастает вплоть до “общественных беспорядков, гражданской войны и революции”. Наряду с этим следует отметить также кризис внутривластной и внешне-политической гегемонии, препятствующий реализации прежде колоссальных возможностей вмешательства американского государства в общественную жизнь и выявляющий системную иррациональность его нынешней государственной политики...

Другой важный аспект в отношениях государства и нации — стремительное выхолащивание прежнего республиканского (*res publica*, — лат., общественное дело) содержания из представлений о “национальном”. Теперь ““национальное”... относится к территориальным институциональным структурам, а не к воображаемому национальному сообществу... Данная тенденция включает передачу некоторых полномочий, ранее локализуемых на *национальном* уровне, вверх... Другие полномочия делегируются вниз... Еще одни передаются вовне или узурпируются возникающими горизонтальными сетями власти...”, что в целом формирует тенденцию развития “новых форм многоуровневой власти...” [там же: 372-373]. Это разъяснение Джессопа демонстрирует, с одной стороны, всю условность привычной для нас формулы “национальное государство”, когда смысловое наполнение этого термина подразумевает типовые государственные институты, а не заключенную в государственную форму живую и наполненную созидательной социальной энергией нацию, а с другой — существо происходящей трансформации современного государства: “рычаги управления” государством прежде, как полагалось “по умолчанию”, находящиеся в распоряжении местных “национальных” элит, теперь активно отчуждаются у них. Эти “местные” элиты, в случае неспособности обрести (или теряя) доступ в узкий клуб “глобальных элит”, последовательно отстраняются от власти, а на смену, тесня их, приходят экстратерриториальные элиты, для которых государство по-прежнему остается удобным и эффективным инструментом контроля над территориально локализованными сообществами. К тому же в аспекте такого “перехвата рычагов” проблема осуществляемого глобальными центрами накопления сетевого управления государственным и нациестроительством в новых девелопменталистских режимах Джессопом не рассматривается.

ГОСУДАРСТВО И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ БУДУЩЕГО (АСПЕКТЫ СУВЕРЕНИТЕТА, ТЕМПОРАЛЬНОСТИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ)

В этой заключительной части наших размышлений полагаем необходимым вернуться к изначальной постановке Джессопом задач изучения государства, чтобы оценить их адекватность и сущностную глубину. В частности, одна из поставленных им задач “...состоит в том, чтобы предложить такое определение государства, которое отражало бы его отличительные признаки как формы политической организации и способствовало анализу его институциональной и пространственно-временной изменчивости”. Историзм, компаративизм, общемировой контекст и эволюционирующая природа государственности —

вот основа развиваемого им подхода к системному изучению государства и государственной власти, подразумевающего “принятие (мета)теоретического, эпистемиологического и методологического плюрализма при анализе государства и тщательное рассмотрение наиболее уместных исходных пунктов и точек зрения в конкретных теоретических и практических контекстах...” [там же: 30]. Именно такой комплексный подход позволяет проследить тренды эволюции государства в условиях глобализации, проясняющие его перспективы. “...Реорганизация национального территориального государства характеризуется тремя общими тенденциями, варьирующимися в разных государствах и режимах, — трансформациями и рефункционализациями современного развитого капиталистического государства...” [там же: 371]. Они включают “...денационализацию государственности, разгосударствление политики и интернационализацию режимов выработки и осуществления политического курса... Существуют также три контртенденции: повышение роли государства в сочленении масштабов, сдвиг от власти к метауправлению в целях постоянного переупорядочивания связи между различными формами управления и усиления борьбы за гегемонию и господство над международными режимами выработки и осуществления политического курса. Сочетание сдвига от власти к правлению и от власти к метауправлению является еще одной иллюстрацией того, как перерабатывается парадокс части — целого. Сочетание тенденций и контртенденций предполагает, что национальное государство остается важной политической силой в рамках меняющегося миропорядка...” [там же: 372].

Выявляемые Джессопом тенденции и контртенденции сложного, многофакторного и многоуровневого взаимодействия территориального государства (мировой системы таких государств) с мировым капиталистическим рынком, воплощаемым трендами и субъектами неолиберальной глобализации, позволяют обнаружить в государстве эффективный комплексный инструмент институциональной, процессуальной и проектно-конструктивистской (организационной) природы, открывающий доступ к режиму территориального контроля и управления. И именно за это право доступа к инструментарию контроля над популяцией, локализованной и имобилизованной в рамках данной территории, идет постоянная борьба между субъектами политики разного рода. Сегодня наиболее острое и масштабное столкновение в борьбе за использования инструментария и возможностей государства описывается конфликтом так называемых национальных и так называемых глобалистских (космополитических) элит. Именно в этом конфликте — нерв нашей эпохи, и именно этот конфликт диагностирует востребованность государства и на обозримое будущее, в котором произойдет лишь реконфигурация сил, конкурирующих за возможность управлять и контролировать с помощью этого инструмента. А заодно, вероятно, новая конфигурация власти проведет его необходимый апгрейд. Сообщество обновленных государств и выработает, в конечном счете, принципы нового миропорядка. Возможные альтернативы, как их можно представить на данный момент, располагаются в диапазоне от империи, превосходящей “даже могущественное американское государство благодаря своей сетевой природе” [там же: 364], и до сложной, многоуровневой системы сосуществующих территориальных государств, международных институтов и транснациональных сетей. В любом случае, вооруженные перспек-

тивной методологией комплексного анализа, мы наблюдаем закат прежнего миропорядка, подразумевающего “пеструю межгосударственную систему или глобальную политическую систему, организованную по империалистическому типу и все более характеризующуюся провалом управления” [там же: 362].

Объем журнальной статьи не позволяет даже бегло перечислить все иные интригующие сюжеты и плодотворные концептуально-теоретические прорывы Джессопа, но, надеемся, у читателя есть возможность самостоятельно продолжить увлекательный заочный диалог с британским исследователем.

DOI: [10.17976/jpps/2020.06.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.11)

THE STATE IN TIMES AND SPACES: DIVERSITY AND VARIABILITY

V.V. Lapkin¹

¹*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

LAPKIN, Vladimir Valentinovich, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, email: vvlh@politstudies.ru

Lapkin V.V. The State in Times and Spaces: Diversity and Variability. — Polis. Political Studies. 2020. No. 6. P. 148-162. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.11>

Received: 12.09.2020. Accepted: 10.10.2020

Abstract. The destabilization of world politics over the last decade has actualized the need for a deeper and more comprehensive understanding of the nature of a modern state and its ability to adapt to changes both in the sphere of interstate relations and in domestic politics (the relationship of the state apparatus with its national political community, i.e. outside and within the legitimate territorial control of the state). An major – and in many respects irreplaceable – contribution to solving this problem is the foundational monograph by Bob Jessop, translated into Russian last year (Jessop B. 2016. The State: Past, Present, Future. Cambridge: Polity). Due to the complexity and versatility of Jessop’s monograph, this article it will inevitably be limited to only a partial reflection; moreover, this will be approached from an obviously subjective point of view, and in the format of free reflection. The purpose of the article is to draw readers’ attention to the invaluable resource of conceptualization and polymorphic analysis of the state as still being the key concept of political science it remains today. Jessop combines his original approach (in his words, strategic-relational) to this phenomenon of our political imagination with a critical analysis of other, widespread approaches (Marxism, liberalism, conservatism, realism, neorealism). In fact, he offers a method to fundamentally synthesise these approaches, leading to a new quality of political analysis. Historicism, comparativism, the global context, and the evolving nature of statehood are the basis of this alternative approach to the systemic study of the state and state power. Almost conventional in modern political science, the concept of the modern state as such – including its fundamental, institutionally separate components, as well as the principles that integrate it – describes, according to Jessop, only a special case of the capitalist-type state. Along with this essentially “idealized” state, there are still states of a different type, which also effectively ensure the interests of their political communities, without possessing all the normative characteristics (as they are defined by the canons of political science) of the institutional structure and without strictly observing the general principles of organizing social, economic and political life.

Keywords: state, world politics, world market, strategic-relational approach, political analysis, polymorphic analysis, political imagination, state governance, social relations, power, interests, domination.

References

- Abrams Ph. 1988. Notes on the Difficulty of Studying the State. — *Journal of Historical Sociology*. Vol. 1. No. 1. P. 58-89. <https://doi.org/10.1111/j.1467-6443.1988.tb00004.x>
- Almond G. 1960. Introduction: A Functional Approach to Political Systems. — *The Politics of Developing Areas*. Ed. by G. Almond, J.S. Coleman. Princeton: Princeton University Press. P. 3-64.

Easton D. 1965. *A Systems Analysis of Political Life*. New York: Wiley.

Jessop B. 2016. *The State: Past, Present, Future*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press. 303 p.

Parsons T. 1969. *Politics and Social Structure*. New York: Free Press.

Jessop B. 2019. The State: Past, Present, Future. (Russ. ed.: Jessop B. *Gosudarstvo: proshloe, nastoyashchee i budushchee*. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo". 504 p.)

Kolosov V.A. 2018. Pogranichnye issledovaniya v Rossii i za rubezhom: teoreticheskie podkhody i dostizheniya [Frontier Studies in Russia and Abroad: Theoretical Approaches and Achievements]. — *Rossiiskoe pogranič'ye: vyzovy sosedstva* [The Russian Borderland: Neighborhood Challenges]. Ed. by V.A. Kolosov. Moscow: Publishing House IP Matushkina I.I. P. 17-38. (In Russ.)

Lapkin V.V., Pantin V.I. Historical Dynamics of the International Market System: Leadership Cycles, Geopolitical Expansion, and the Prospects for Transforming the World Order. — *Istoriya i sovremennost'*. No. 1. P. 17-61. (In Russ.) <https://doi.org/10.30884/iis/2019.01.02>

Solovyov A.I. 2018. State and Society: New Facets of Historical Conflict. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. Vol. 19. No. 4. P. 6-24. (In Russ.). <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-6-24>

Solovyov A.I. 2019. Political Agenda of the Government, or Why the State Needs the Society. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 8-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>

Литература на русском языке

Джессоп Б. 2019. *Государство: прошлое, настоящее и будущее*. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС. 504 с.

Колосов В.А. 2018. Пограничные исследования в России и за рубежом: теоретические подходы и достижения. — *Российское пограничье: вызовы соседства*. Под ред. В.А. Колосова. Москва: ИП Матушкина И.И. С. 17-38.

Лапкин В.В., Пантин В.И. 2019. Историческая динамика международной рыночной системы: циклы лидерства, геополитическая экспансия и перспективы трансформации мирового порядка. — *История и современность*. № 1. С. 17-61. <https://doi.org/10.30884/iis/2019.01.02>

Соловьев А.И. 2018. Государство и общество: новые грани исторического конфликта. — *Южно-российский журнал социальных наук*. Т. 19. № 4. С. 6-24. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-6-24>

Соловьев А.И. 2019. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество? — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 8-25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.04.02>